МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

Л 250-628

ДОКУМЕНТ
АРХИВ
ИСТОРИЯ
СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных трудов

Выпуск 1

Издается с 2001 года

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
БЕСПЛАТНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2001

В. Н. Мамяченков

КОГДА СТАЛА СОКРАЩАТЬСЯ ЧИСЛЕННОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ?

(К вопросу о достоверности материалов переписей 1937 и 1939 гг.)

Видимо, вряд ли кто будет отрицать прямую связь между условиями жизни человека и, как говорят демографы, ее средней ожидаемой продолжительностью. Не секрет, что по этому показателю Россия в настоящее время значительно отстает от развитых стран. Напомним достаточно известные цифры: среднестатистический россиянин живет 59,8 года, а россиянка — 72,2 года[1]. Напомним также, что для Японии соответствующие цифры составляют 77,0 и 84,0 года. Поэтому, хотя усредненный бесполый россиянин живет что-то около 66 лет, это уже не производит впечатления, так как по продолжительности жизни женщин наша страна находится на сотом месте, а по аналогичному показателю у мужчин — на сто тридцать четвертом(!)[2].

Каким был этот показатель в бывшем СССР, теперь уже трудно сказать: слишком велико наше недоверие к официальной советской статистике. Известно также, что вопросы, связанные с народонаселением, советская статистика не жаловала своим вниманием. Как правило, в официальных документах фигурировали цифры, характеризующие лишь стремительный рост численности городского населения, и прежде всего пролетариата. Согласно господствовавшей тогда идеологии, крестьянству не оставлялось места в грядущем бесклассовом обществе. Это хорошо видно, например, по партийным документам бывшей КПСС. Так, в речи И.В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б) в 1934 г. отмечался как факт «рост населения Советского Союза со 160,5 миллиона человек в конце 1930 г. до 168 миллионов в конце 1933 г.... Рост численности рабочих и служащих с 14 миллионов 530 тысяч в 1930 г. до 21 миллиона 883 тысяч в 1933 г., причем количество лиц, занимающихся физическим трудом, поднялось за этот период от 9 миллионов 489 тысяч до 13 миллионов 797 тысяч человек, количество рабочих крупной промышленности, в том числе рабочих транспорта, поднялось от 5 миллионов 79 тысяч до 6 миллионов 882 тысяч человек, количество сельскохозяйственных рабочих — от 1 миллиона 436 тысяч до 2 миллионов 519 тысяч человек, а количество рабочих и служащих в торговле — от 814 тысяч до 1 миллиона 407 тысяч человек». Оставим на совести товарища Сталина все эти цифры (многие из них, особенно численность населения страны, вызывают откровенное недоверие), но обратим внимание, что в приведенной пространной цитате не нашлось места крестьянам, даже колхозникам (как и интеллигенции, кстати). Далее в выступлении первого лица партии перечисляются «грандиозные» достижения в вопросах повышения заработной платы и роста фондов социального страхования рабочих и служащих, улучшения условий их труда и т.д. О крестьянстве же говорится только как о получателе государственной помощи в виде денежных, семенных и продовольственных ссуд, а также налоговых льгот (!). И кроме того, отмечается «...признак роста культурности в деревне — рост активности женщин-колхозниц в области общественно-организаторской работы»[3]. Непредвзятому исследователю нетрудно сделать вывод о том, какая ступень социальной лестницы отводилась крестьянству в СССР...

В том, что сталинский режим тщательно избегал объективных исследований и публикаций в области народонаселения, мы убедились и на собственном опыте. Когда автор, работая над данной статьей, обратился к первому изданию Большой советской энциклопедии, надеясь найти там интересующие его сведения по сельскому населению страны, он с удивлением обнаружил, что в ней на букву «н» вообще нет словарных статей «население» и «народонаселение». И только в завершающем это издание томе, появившемся в 1947 г. и посвященном целиком бывшему Советскому Союзу, была найдена соответствующая статья[4]. При этом в ней ни слова не говорилось о переписи населения 1937 г., а приводились данные только по переписи 1939 г. Как известно, результаты первой из упомянутых переписей не устроили сталинское руководство тем, что по ним слишком явно были видны огромные людские потери, которые понесла страна в 1930-х гг. Поэтому ее результаты были аннулированы, а организаторы подвергнуты репрессиям[5].

Но нас интересует другой аспект вышеупомянутой связи между качеством жизни и ее продолжительностью, а именно как отразились материальные условия жизни на общей численности сельского населения. Общеизвестно, что отток населения из села не прекращался все годы советской власти, и главной причиной этого были прежде всего значительно худшие по сравнению с городскими условия жизни. Нельзя, однако, не признать, что были и другие причины и что вообще не большевики-ленинцы инициировали процесс урбанизации. Другое дело, что они довели его до абсурда, заставив огромные массы сельского населения буквально в панике бежать в города, обеспечивая уродливо разрастающуюся промышленность (прежде всего ее военно-промышленный комплекс)

© В.Н. Мамяченков, 2001

дешевой рабочей силой. Если верить тому же первому изданию БСЭ, то городское население СССР с 1926 по 1939 г. (менее чем за полтора десятка лет) выросло с 26,3 до 55,9 млн. человек, то есть на 29,6 млн. чел., или на 112,5%. Для сравнения: в США с 1900 по 1930 г. оно выросло с 30,4 до 69,0 млн. человек (на 127%), в Великобритании с 1871 по 1931 г. — с 14,0 до 32,0 млн. человек (на 128%) и во Франции с 1866 по 1931 г. — с 11,6 до 21,4 млн. человек (на 84%)[6]. Что и говорить, темпы роста городского населения в СССР были просто впечатляющими! Но что за ними стояло?

В.П. Попов в своей монографии поставил очень интересный вопрос, когда же стало сокращаться сельское население России. Правда, от аргументированного ответа на этот вопрос сам автор уклонился, ограничившись лишь ссылкой на официальный документ, согласно которому численность сельского населения СССР за 1950 г. уменьшилась на 450 тыс. человек, а по Российской Федерации в относительных цифрах – на 1%[7]. Видимо, надо понимать это как недвусмысленный намек автора на то, что процесс обезлюдевания деревни начался именно в рассматриваемый нами послевоенный период.

Если же мы обратимся к конкретным цифрам, характеризующим динамику численности, например, сельского населения Урала, то увидим, что она была непростой (табл. 1). Можно по крайней мере утверждать, что результирующая этой численности в послевоенный период (1946–1960) не только не снижалась, но имела тенденцию к увеличению во всех областях и республиках Урала (за исключением Оренбуржья, где к 1959 г. численность сельского населения снизилась по сравнению с 1946 г. на 5,0%). В то же время на всех остальных территориях она увеличилась: в Курганской области — на 5,4%, в Пермской — на 7,9%, в Удмуртии — на 12,4%, в Свердловской области — на 21,4%, а в Челябинской — даже на 35,8% и превысила довоенный уровень.

Снижаться численность сельского населения стала позже, уже в 1960-х гг. (за исключением Челябинской области). При этом нельзя не заметить, что именно в этой области динамика численности сельского населения вообще трудно поддается какому бы то ни было логическому объяснению: в 1996 г. она составила там примерно ту же цифру, что и в 1939 г.! Чтобы разгадать этот феномен, необходимо, конечно, провести тщательный анализ статистики движения населения. Пока же рискнем предположить, что в основе столь необычной динамики лежат три фактора: во-первых, благоприятные природно-климатические условия; во-вторых, сложившийся достаточно устойчивый уровень сельского хозяйства и, в-третьих, миграция населения из соседних территорий, прежде всего из Башкирии. Если же выйти за пределы Уральского региона и оценить ситуацию по РСФСР в целом, то увидим, что численность ее

сельского населения постепенно снижалась в течение всех послевоенных лет. Причем особенно интенсивно, можно сказать лавинообразно, этот процесс происходил в «застойные» 1970-е гг.

Таблица 1

Динамика численности сельского населения Урала накануне Великой Отечественной войны и в послевоенный период

Республики, области	Численность по годам, тыс. чел.							
	1939	1941*	1946	1950	1959	1970	1979	1996
Башкирия	2618	2632	1933	1944	2060	1979	1662	1446
Удмуртия	902	908	662	689	744	609	518	496
Курганская	879	–	637	616	671	621	533	501
Оренбургская	1292	1226	1058	957	1005	962	829	801
Пермская	1258	1252	1136	1047	1226	993	787	708
Свердловская	1056	1017	801	811	970	835	667	581
Челябинская	693	1700**	520	556	703	726	648	690

* На 01.12.1941 г.

** Вместе с Курганской областью.

Источники: *Анимица Е.М.* Весь Урал: Справочник. Екатеринбург, 1996. С. 12; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., Т. 1. С. 30, 32; *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945). Свердловск, 1990. С. 30; *Мотревич В.П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950). Свердловск, 1993. С. 75; Российский статистический ежегодник. М., 1996. С. 22, 23, 712.

Но попробуем все-таки ответить на вопрос, поставленный В.П. Поповым. Если взять данные о численности сельского населения царской России в последние 20 лет ее существования, то увидим, что она возросла с 57,6 млн. человек в 1897 г. до 74,2 млн. человек в 1914 г.[8] По переписи 1926 г. численность населения составляла 76,3 млн. человек, больше, чем до Первой мировой войны, несмотря на огромную убыль населения в этой и следующей за ней гражданской войне. Но по переписи 1937 г. она снизилась до 69,6 млн. человек[9]. И хотя до Великой Отечественной войны численность сельского населения увеличилась еще примерно на 2,6 млн. человек[10] (что вызывает определенные сомнения из-за отношения к переписи населения 1939 г.: цифры, судя по всему, были завышены), она так и не сравнялась с той, что была в России в конце 1920-х гг. Получается, что за одиннадцать лет (с 1926 по 1937 г.) численность населения российской деревни уменьшилась на 6,7 млн. человек.

И это только чистая убыль данной категории населения, тогда как в действительности численность погибших от голода, лишений и репрессий в ходе коллективизации и покинувших деревню и ушедших в город должна была быть значительно большей, чтобы перекрыть превышение рождаемости над естественной смертностью и дать такой огромный прирост численности городского населения. Между тем если исходить из

того, что естественный прирост населения в довоенные годы составлял 1,32%[11], то численность сельского населения России должна была составить в 1937 г. 87,3 млн. человек, то есть должна была быть больше, чем в 1926 г., на 11,0 млн. человек. А так как в действительности, как мы отметили выше, в 1937 г. она составила 69,6 млн. человек, то разница между «планом» и «фактом», как говорят экономисты, составляет 17,7 млн. человек. Это и есть потери сельского населения России помимо естественной смертности. Еще раз оговоримся, что речь идет только о потерях за счет повышенной смертности (прежде всего от голода) и ушедших в город. Сюда — и это очень важный момент — не входят крестьяне, высланные в другие районы страны, так как они, конечно, фигурировали в переписи по-прежнему как сельские жители.

Далее можно, на наш взгляд, рассчитать численность погибших от голода, лишений, болезней (в рамках превышения над естественной смертностью) и уничтоженных в ходе репрессий. Для этого надо взять прирост численности городского населения за данный период и отнять ту его часть, которая образовалась за счет естественного прироста. Это достаточно спорный момент, так как удельный вес городского населения России в промежутке 1926–1937 гг. изменился с 17,8 до 33,0%[12]. Соответственно этому менялся и ежегодный прирост. Если мы возьмем среднее арифметическое этих значений — 25,4%, то получим, что в России естественный прирост городского населения за одиннадцать лет составил примерно 4,5 млн. человек. А так как по России увеличение городского населения за тот же период составило 17,9 млн. человек[13], то, следовательно, приток сельских жителей в город за указанный период составил разницу этих цифр, то есть 13,4 млн. человек. И наконец, отняв последнюю цифру суммы потерь, превысивших уровень естественной смертности (17,7 млн. человек), мы получим искомую *численность погибших в России крестьян* за эти страшные одиннадцать лет от голода, лишений и в ходе репрессий — *4,3 млн. человек.*

Продемонстрированную нами выше методику, естественно, можно применить и для всего СССР в целом. При этом будем исходить из того, что численность городского и сельского населения по переписям 1926 и 1937 гг. составляла соответственно 26,3 и 120,7 млн. человек[14] и 53,1 и 108,9 млн. человек. Последние две цифры можно рассчитать, зная удельный вес городского населения, который в 1939 г. составлял 32,8%[15] и, как мы полагаем, составлял примерно ту же цифру и в 1937 г. Так как в 1926 г. он был равен 17,9%[16], то, как и при расчетах по сельскому населению России, будем использовать среднее арифметическое этих значений — 25,4%. Естественный прирост населения в довоенные годы оставим тем же — 1,32% в год.

Рассуждая аналогичным образом, получим, что при обычном уровне смертности сельское население СССР в 1937 г. должно было увеличиться на 17,4 млн. человек и составить 138,1 млн. человек, а фактически составило 108,9 млн. человек[17]. Разница между этими цифрами — 29,2 млн. человек — составляет потери сельского населения помимо естественной смертности. Прирост же городского населения за указанный период составил, как это видно из вышеприведенных цифр, 26,8 млн. человек, при том, что естественный его прирост должен был составить 6,8 млн. человек. Следовательно, приток сельских жителей в города СССР составил за тот же период 20,0 млн. человек. Отняв эту цифру от численности потерь, превышающих естественную смертность, получим *численность погибших в Советском Союзе крестьян* от голода, лишений и в ходе репрессий *— 9,2 млн. человек.*

Теперь можно подвести итоги, сведя все имеющиеся и полученные данные в таблицу.

Таблица 2

Исходные и полученные данные к расчету численности потерь сельского населения СССР и России в 1926–1937 гг. (млн. чел.)

	Численность населения в 1926 г.		Численность населения в 1937 г.		Возможная численность в 1937 г.	Общие потери, превысившие естественную смертность	Приток сельского населения в города	Численность погибших помимо естественной смертности
	Городское	Сельское	Городское	Сельское				
СССР	26,3	120,7	53,1	108,9	138,1	29,2	20,0	9,2
Россия	16,4	76,3	34,3	69,6	87,3	17,7	13,4	4,3

Источники: БСЭ. [Т.] СССР. М., 1947. С. 62; Российский статистический ежегодник. М., 1996. С. 37; *Соколов Б.В.* Цена Победы. М., 1991. С.14 (расчеты автора).

Эти невероятные цифры потерь российской и советской деревни в те, уже далекие от нас годы лишний раз доказывают неопровержимый факт: то, что не смогли сделать мировая и гражданская войны вместе взятые, сделали сталинские коллективизация и индустриализация. По нашим расчетам получается, что за указанный период времени численность сельского населения СССР уменьшилась на одну десятую часть, то есть в эти годы она сокращалась невиданными темпами: почти на миллион человек в год! Аналогичный показатель по России также впечатляет: около 600 тыс. По мощи своего воздействия и сокрушительным последствиям для населения страны эти два «мероприятия» вкупе с политическими репрессиями вполне можно сравнить с последствиями разразившейся позже Великой Отечественной войны.

При внимательном рассмотрении данной таблицы, естественно, возникают вопросы. Например, чем объясняется тот факт, что сельское население России, составлявшее примерно 2/3 крестьянства СССР, дало менее половины его потерь? На наш взгляд, этот факт косвенно только подтверждает правильность приведенных выше расчетов, так как значительная часть из этих девяти миллионов погибших — это жертвы ужасного голода 1932–1933 гг., который в наибольшей степени поразил Украину. При этом число погибших там по некоторым данным составило не менее 4,5 млн. человек (такую цифру называет, например, Б.В. Соколов, ссылаясь при этом на результаты работы специальной международной комиссии по расследованию голода тех лет на Украине. Кроме того, он же приводит цифру погибших от голода в Казахстане — 1,7 млн. человек[18]). Поэтому потери российского крестьянства и оказались меньшими, чем это можно было ожидать. Впрочем, понятия «меньше» и «больше» приобретают особое звучание, когда речь идет о гибели миллионов людей...

Другой, и, наверное, самый главный вопрос, — это вопрос о достоверности данных, использованных нами при расчетах, и допущенных при этом погрешностях. Понятно, что когда идет речь о таких масштабных событиях в истории нашей страны, то произвести расчеты с высокой степенью точности не представляется возможным. Поэтому естественно, что приведенные выше расчеты содержат определенные погрешности, особенно там, где мы использовали усредненные данные за ряд лет. Но, как нам представляется, в целом эти расчеты достаточно объективно отражают ситуацию с народонаселением страны в указанный период.

Таким образом, на вопрос, поставленный В.П. Поповым, мы бы ответили так: *российская деревня (как и советская деревня вообще) стала вымирать именно в 1930-е гг.* О том, что катастрофическая, невосполнимая убыль сельского населения, произошла именно тогда, а не позднее (как предположил В.П. Попов), говорят все приведенные нами выше цифры.

На основании изложенных выше расчетов и рассуждений можно, на наш взгляд, уверенно сделать вывод, что в конце 1920-х — 1930-е гг. в нашей деревне произошла непоправимая демографическая катастрофа. Причем необходимо подчеркнуть, что она была, как говорят, техногенного свойства, то есть явилась следствием сознательной деятельности людей. В данном случае имела место сознательная политика советского государства, направленная на ликвидацию крестьянина — хозяина своей земли и орудий труда, крестьянина-производителя, а следовательно, крестьянина — независимого гражданина своей страны. Методы реализации этой политики были жесткими, и среди них на первом месте стоял террор. Загнанное в угол бесправием, изможденное голодом, обкрадываемое налогами, российское крестьянство бросилось в города... В этом свете

многое объясняет высказывание Сталина, сделанное им в июле 1934 года на совещании по вопросу о коллективизации: «У нас страна колхозная. Если колхознику дать вполне достаточную обеспеченность, то он никуда на завод не пойдет...»[19]. Подводя итоги такой аграрной «политики» советского государства, известный политический деятель А.Н. Яковлев писал: «Деревня порушена. Если раньше было аграрное перенаселение, то сейчас — урбанистское»[20].

Конечно, было бы неверно утверждать, что репрессии, лишения и голод коснулись только сельского населения. Конечно нет. Все эти «прелести» тоталитарного режима испытали на себе и горожане. Кстати, необходимо упомянуть, что имел место и обратный поток — из города в сельскую местность. Это прежде всего осужденные к высылке, то есть люди, которым было запрещено проживание в Москве и крупных промышленных центрах. Счет им шел на сотни тысяч, и это еще более усугубляет общую картину, увеличивая количество «коренных» жителей села, покинувших его в эти годы. Но жители городов находились в более выгодном положении: в городах было все-таки какое-то организованное снабжение продовольствием и промтоварами, условия жизни, труда и отдыха были более комфортными по сравнению с деревней. Так, если колхозники практически не получали денег за работу в колхозе, то средняя заработная плата промышленного рабочего в 1933 г. составляла 125 р.[21]. А самое главное — режим не эксплуатировал рабочих и служащих так, как крестьян, которые после введения в 1932 г. паспортной системы стали фактически государственными крепостными.

При этом нельзя сказать, что Сталин и его приспешники не представляли себе истинных масштабов творимых ими злодеяний. В доказательство этому можно сослаться на воспоминания У. Черчилля, которому в 1942 г. «вождь народов» в доверительной беседе сообщил, что при проведении коллективизации были подвергнуты репрессиям 10 миллионов крестьян: «Некоторым из них дали землю для индивидуальной обработки в Томской области, или в Иркутской, или *еще дальше на север* (курсив мой. — *В. М.*), но основная часть их была весьма непопулярна, и они были уничтожены своими батраками». Даже У. Черчилль, известный своим цинизмом (после войны он предательски выдал на расправу сталинским палачам многих из тех граждан нашей страны, кто пытался укрыться на Западе), был потрясен этими словами. «Я...помню, какое сильное впечатление на меня...произвело сообщение о том, что миллионы мужчин и женщин уничтожаются или навсегда переселяются», — так завершает он описание этой сцены[22]. Здесь уместно напомнить, что все лично знавшие Сталина отмечали его способность запоминать и при необходимости приводить наизусть множество самых разных фактов и цифр из области истории, экономики и политики. Поэтому, как нам думается, цифра в

десять миллионов человек была названа им не случайно: Сталин знал хотя бы приблизительно число своих жертв. И эта цифра, как мы показали выше, подтверждается расчетами.

Можно сослаться также и на А.Н. Яковлева, который оценивает общее количество репрессированных в 1930-е гг. (и горожан, и крестьян) как «более 10 миллионов человек»[23]. Наконец, надо отметить, что рассчитанные нами данные о потерях сельского населения в общем совпадают с данными исследований Б.В. Соколова, который оценивает численность погибших только от голода в СССР в 1930-е гг. примерно в 8 млн. человек плюс-минус один-два миллиона[24]. Да, это были именно миллионы людей. Миллионы, переселенные порой в совершенно необжитые районы и погибшие там от жестоких лишений. И миллионы бежавших в города в надежде спастись от репрессий и голодной смерти. Когда начинаешь рассуждать об этом, то на память приходят строки французского писателя Андрэ Жида: «А высланные тысячами... Эти жертвы — я их вижу, слышу, чувствую вокруг себя. Это их подавленные крики разбудили меня сегодня ночью, их молчание диктует мне эти строки»[25]. Таким образом, коллективизация крестьянства явилась прологом к вымиранию российской деревни. Доколлективизационные 1920-е гг. так навсегда и остались годами наивысшей численности крестьянства в нашей стране.

В то же время общая численность населения России за это же время увеличилась на 11,2 млн. (с 92,7 до 103,9), а Советского Союза — на 15 млн. человек (со 147 до 162). Но данный прирост общей численности населения страны не мог удовлетворить сталинское руководство, так как ему надо было показать своему народу и всему миру прирост населения хотя бы не меньший, чем был в царской России. Тем более, что, как мы упомянули выше, Сталин на XVIII съезде ВКП(б) публично объявил о численности населения страны на конец 1933 г. — якобы она уже тогда составляла 168 млн. человек (конечно, это была очередная бессовестная ложь). Известный писатель А.Н. Рыбаков в своем романе устами одного из действующих лиц — видного статистика страны — утверждает, что перепись населения 1937 г. должна была «...дать цифру населения порядка 170 миллионов человек»[26]. При этом, по версии писателя, сам этот статистик исходил из того, что во второй половине 1920-х гг. рост населения составлял три миллиона человек в год. Следовательно, через десять лет (в 1937) население СССР должно было составить 177 млн. человек. Сталин же, по его мнению, намеренно «назначил» цифру 170 млн., желая тем самым скрыть резкое снижение численности населения страны.

Что тут сказать? Версия красивая, интересная и безусловно заслуживающая внимания. Но, на наш взгляд, она объясняет не все. И самое главное, почему Сталину понадобились *именно 170 млн.*? То, что правительство страны (и прежде всего сам Сталин) хотело скрыть гигантские потери народонаселения, не подлежит сомнению. В то же время при более близком рассмотрении нетрудно убедиться, что и эта цифра не является в этом смысле удачной — ведь Сталин уже заявил о численности населения в 168 млн. человек на конец 1933 г.! Столь малый прирост населения (всего 2 млн. человек за 3 года) все равно пришлось бы как-то объяснять. Не лучше ли было обнародовать истинное положение вещей, то есть реальную численность населения? Ведь не побоялся же Сталин на том же XVIII съезде ВКП(б) признать, что сельское хозяйство страны с 1929 по 1933 гг. потеряло 152 млн. голов скота, то есть более половины всей численности (!), что животноводство находится в катастрофическом состоянии. Естественно, главной причиной этого были названы «насыщенность животноводческих отраслей сельского хозяйства крупнокулацкими элементами» и «усиленная кулацкая агитация за убой скота, имевшая благоприятную почву»[27]. О масштабах разрушения животноводства можно судить по такому сравнению: только за зиму 1929/1930 г. поголовье скота сократилось сильнее, чем за все годы гражданской войны[28]. Впрочем, сталинское руководство не слишком-то утруждалось аргументацией своих заявлений.

Поэтому нам представляется возможным предложить свою версию. Она состоит в том, что во второй половине 1920-х гг. не могло быть такого высокого прироста численности населения страны (2%, или 3 млн. человек в год). Дело в том, что такого роста не было даже в самые благополучные годы существования Российской империи (кстати, сам А.Н. Рыбаков не дает ссылки на источник своей информации). Так, прирост численности населения России в 1890-е гг. перед проведением последней переписи населения в стране составлял в среднем примерно 1,48% в год (такой результат мы получили в результате расчетов по данным популярного издания того времени — энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона). Если бы население СССР после переписи 1926 г. возрастало примерно такими же темпами, то в 1937 г. оно бы и составило как раз требуемые 170 млн. человек![29] С большой долей вероятности можно предположить, что аналогичный расчет делали и демографы того времени. Как нам представляется, цифра 170 млн. явилась поэтому той последней чертой, дальше которой сталинское руководство не желало отступать: понятно, что значительное снижение темпов роста населения труднее объяснить «кулацкой агитацией», чем тот же забой скота. Тогда становится ясно, откуда взялась именно эта цифра и почему статистики, руководившие проведением переписи 1937 г., были репрессированы. И поэтому не удивительно, что следующая перепись, 1939 г., наконец-то принесла ожидаемые результаты (правда, с опозданием на два года).

...Занимаясь историей своей страны, историей ее крестьянства, всякий раз замечаешь, как она переплетается и с твоей собственной родословной. Не будет великим открытием сказать, что все мы вышли из деревни. Так вот и автор этой статьи — городской житель всего лишь во втором поколении. Дед мой, Иван Илларионович Туголуков, 1900 г. рождения, бежал (другого слова я не подберу) из деревни Галактионовки Туринского района Свердловской области в областной центр в 1932 г. Бежал вместе с семьей — женой (моей бабушкой) и шестью детьми (всего детей у него с бабушкой было одиннадцать, да вот выжили всего четверо) — от голода и неминуемой смерти. Оставил в деревне, где прожил всю жизнь, дом и хозяйство — все, что нажил за пятнадцать лет семейной жизни. Надо сказать, что ему еще повезло: успел сделать это до введения паспортной системы в стране, которая, как известно, надолго сделала колхозников крепостными советского государства.

---

1 См., например: Аргументы и факты. 2001. № 1; Областная газета. 2000. 29 авг.
2 См.: Российская газета. 2001. 5 янв.
3 См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. М., 1952. С. 336–339.
4 См.: БСЭ. [Т.] СССР. М., 1947. С. 50.
5 См.: Вестник статистики. 1990. № 6. С. 66.
6 См.: БСЭ. Указ. т. С. 63.
7 См.: *Попов В.П.* Крестьянство и государство. Париж, 1992. С. 111.
8 См.: Российский статистический ежегодник. М., 1996. С. 37.
9 См.: Там же.
10 См.: Там же.
11 См.: *Соколов Б.В.* Цена Победы. М., 1991. С. 14.
12 См.: Российский статистический ежегодник. С. 37.
13 См.: Там же.
14 См.: БСЭ. Указ. т. С.62.
15 См.: Там же.
16 См.: Там же.
17 См.: Российский статистический ежегодник. С. 37.
18 См.: *Соколов Б.В.* Правда о Великой Отечественной войне: (сб. ст.). СПб., 1998. С. 307.
19 См.: *Кулешов С.В.* и др. Наше Отечество: Опыт политической истории. М., 1991. Т. 2. С. 276.
20 *Яковлев А.Н.* Горькая чаша. Ярославль, 1994. С. 283.
21 *Кулешов С.В.* и др. Указ. соч. М., 1991. Т. 2. С. 278.
22 Цит. по: Уинстон Черчилль: Вторая мировая война. Ростов-н/Д, 1997. С. 314.
23 *Яковлев А.Н.* Указ. соч. Ярославль. 1994. С. 166.
24 *Соколов Б.В.* Правда о Великой Отечественной войне. С. 307.
25 *Жид А.* Возвращение из СССР // Два взгляда из-за рубежа: Переводы. М., 1990. С. 137.
26 *Рыбаков А.Н.* Страх: (Тридцать пятый и другие годы): Роман: В 2 кн. М., 1991. Кн. 1. С. 132.
27 См.: Сталин И.В. Указ. соч. С. 321.
28 См.: *Кулешов С.В.* и др. Указ. соч. М., 1991. Т. 2. С. 259.
29 См.: Россия: Энциклопедический словарь. 1991. С. 92.

Ю. А. Русина

ЖУРНАЛЫ САМИЗДАТА 1960–1970-х гг.

Историография инакомыслия в СССР второй половины XX в. находится в начале своего пути и пока пребывает в малых формах[1]. В то же время уже отмечена приоритетная тематика, где имеются научные результаты: диссидентское движение и советское общество, диссидентство и советская партийно-государственная власть и некоторые другие[2]. В 1998 г. вышла в свет довольно большая работа А.И. Прищепы, в которой собран и систематизирован объемный фактологический материал по деятельности оппозиции на Урале[3]. Таким образом, получил развитие региональный аспект исследований. Единственная монография, посвященная изложению становления и развития инакомыслия в Советском Союзе, опубликованная в 1984 г. в США, принадлежит перу Людмилы Алексеевой, участницы правозащитного движения, члена Хельсинкской группы[4]. Серьезным достижением автора этой крупной работы является выделение различных форм инакомыслия, которые представлены относительно самостоятельными движениями: *национальное* (украинское, литовское, эстонское, армянское, грузинское, крымско-татарское, месхетинское, русское); *за выезд на историческую Родину* (еврейское и немецкое); *религиозное* (евангельские христиане-баптисты, пятидесятники, адвентисты 7-го дня, православные); *правозащитное* и *социально-экономическое*.

История инакомыслия в СССР — тема многогранная, большинство ее сюжетов и проблем ждут своего исследователя. Не решены и значительные теоретические вопросы: определение понятий «диссидентство», «инакомыслие», «самиздат»; выяснение хронологических рамок и разработка периодизации как движения в целом, так и его отдельных форм; классификация и систематизация источников и др.

Неоспорим факт, что успех исторических научных изысканий прежде всего связан с качеством разработки, упорядочения и анализа источниковой базы. Особенно это важно в тех условиях, когда исторический сюжет определяется как малоисследованный.

Одним из главных источниковых массивов по истории инакомыслия в СССР является архив самиздата, возникший на основе архива радио-

© Ю.А. Русина, 2001

Мотревич Владимир Павлович, докт. ист. наук, проф. кафедры этнологии УрГУ. Область научных интересов — аграрная история XX века, историческая демография.

Мухина Елена Викторовна, аспирантка УрГУ, научный руководитель канд. ист. наук, доц. А.М. Сафронова. Область научных интересов — частная школа и домашнее образование в России XVIII в., мемуарные источники.

Пунтус Елена Владимировна, асс. кафедры архивоведения. Область научных интересов — история сельского расселения на Урале в начале XX в.

Русина Юлия Анатольевна, канд. ист. наук, доц. кафедры архивоведения УрГУ. Область научных интересов — теоретические и практические проблемы источниковедения.

Сафронов Алексей Анатольевич, аспирант УрГУ, научный руководитель докт. ист. наук, проф. А.В. Черноухов. Область научных интересов — грамотность населения Урала в XIX в., изучение материалов Первой всеобщей переписи населения России 1897 г.

Сафронова Алевтина Михайловна, канд. ист. наук, доц. кафедры архивоведения УрГУ. Область научных интересов — история школы на Урале и в России в XVIII – XIX вв., источники по истории образования.

Черноухов Эдуард Анатольевич, канд. ист. наук, доц. кафедры истории России УрГПУ. Область научных интересов — история школ при горных заводах Урала в XIX в.

Шибаев Виктор Владимирович, аспирант УрГУ, научный руководитель докт. ист. наук, проф. А.В. Черноухов. Область научных интересов — история горнозаводского Урала XVIII–XIX вв., лесное хозяйство.

Шумаков Сергей Анатольевич, — выпускник исторического факультета УрГУ 2000 г. Научный руководитель диплома канд. ист. наук, доц. Л.Н. Мазур

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РОССИИ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА 3

Раздел 1
ЭСТАФЕТА НАУЧНОГО ПОИСКА: НОВЫЕ ИМЕНА 6

Данилина Ю.И.
ПРЕСТУПНОСТЬ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В 1918–1929 гг. (По материалам газеты «Уральский рабочий») 6

Горшкова А.И.
ГОСУДАРСТВО И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В 1940–1990-х гг. (По материалам «Журнала Московской патриархии») 32

Шумаков С.А.
ПРОБЛЕМЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ ДЛЯ УЧРЕЖДЕНИЙ АРХИВНОЙ ОТРАСЛИ 52

Абдрашитов Р.Р.
ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДСКИМИ И РАЙОННЫМИ ГАЗЕТАМИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990–1999 гг. 65

Раздел 2
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ УРАЛА 88

Шибаев В.В.
УПРАВЛЕНИЕ ЛЕСНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. 88

Пунтус Е.В.
СИСТЕМА СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В ЕКАТЕРИНБУРГСКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. 112

Килин А.П.
ИЗ ИСТОРИИ ТЕПЛОГОРСКОГО ЧУГУНОПЛАВИЛЬНОГО ЗАВОДА 119

Мазур Л.Н.
РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОЙ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СЕТИ НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в. 140

Мотревич В.П.
КЛАДБИЩА ВОЕННОПЛЕННЫХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ 172

Раздел 3
ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ 194

Киров А.Н.
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ВЫДЕЛЕНИИ ТЕРРИТОРИЙ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ КОЛОНИСТОВ В ПОВОЛЖЬЕ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II 194

Сафронов А.А.
ИЗ ИСТОРИЯ ПОДГОТОВКИ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 г. 211

Бугров Д.В.
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в. В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ С.Ф. ШАРАПОВА (ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ) 232

Меньшикова А.Л.
КОЛХОЗЫ УРАЛА В ГОДЫ ЗАВЕРШЕНИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ 246

Мамяченков В.Н.
КОГДА СТАЛА СОКРАЩАТЬСЯ ЧИСЛЕННОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ? (К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ МАТЕРИАЛОВ ПЕРЕПИСЕЙ 1937 И 1939 ГГ.) .. 268

Русина Ю.А.
ЖУРНАЛЫ САМИЗДАТА 1960–1970-Х ГГ. 279

Раздел 4
ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ 296

Сафронова А.М.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КНИГ В.Н. ТАТИЩЕВА И КАЗЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ ЕКАТЕРИНБУРГА В 30-Е ГГ. XVIII в. 296

Черноухов Э.А.
ВЫЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ В 1806–1828 ГГ. 338

Мухина Е.В.
МЕМУАРЫ О ЧАСТНОЙ ШКОЛЕ В РОССИИ В XVIII в. 345

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 369

Научное издание

Документ. Архив. История. Современность

Сборник научных трудов. Вып. 1

Редактор и корректор *Р. Н. Кислых*
Компьютерная верстка – *А.А. Сафронов*

ЛР № 020257 от 22.11.96 г. Подписано в печать 15.07.2001 г. Формат 60×84 1/16.
Бумага для множительных аппаратов. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 21,5.
Тираж 150 экз. Заказ
Уральский государственный университет им. А. М. Горького.
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано на ризографе лаборатории оргтехники отделения архивоведения, документоведения и информационно-правового обеспечения управления ист. ф-та УрГУ.
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.